В самой сцене убиения Михаила есть, как будто, попытка указать еще положительную черту его облика: когда Василий ударом меча отсек обе руки сонному Михаилу, последний проснувшись воскликнул: «Василий, судит тебя бог со мною, что ты мне за добро злом воздал!» Таким образом под пером автора Повести образ Михаила получился совершенно иной, нежели Михаила, исторического царя Византии: это — не Михаил, получивший за свое поведение прозвание «Пьяницы», а скорее, действительно, благочестивый царь Михаил, хотя его благочестие и проявляется очень не ярко.[1] Тем не менее надо сказать, что составитель Повести имел в виду, составляя свое произведение, именно исторического Михаила III, императора IX в.; но к созданию этого образа и к освещению событий из его жизни он отнесся совершенно самостоятельно: канву для своего рассказа он взял из рассказов византийских хроник о Михаиле III, но обработал ее по своему, взявши только несколько эпизодов из ряда входящих в историческую биографию Михаила и отчасти Василия, придал им анекдотическо-фабулезный характер; заимствуя из этих источников (или источника) не только канву, но и отдельные мотивы и ситуации, он совершенно свободно переносит их на новые места, перефразировывает, сохраняя только общую мысль, почему и заимствование получает у него иной смысл, иное приурочение сравнительно с источником. Вместе с тем составитель сумел придать своему рассказу не только стройность, но и живость и законченность.

Чтобы убедиться в таком именно характере обработки составителем его источника, достаточно сравнить его Повесть с тем рассказом о Михаиле, который — в общем однородный в силу связи между собою самих источников — дают византийские хроники, часть коих могла быть доступна составителю Повести или в переводе подлинного текста, или в одной из русских компиляций, построенных на этих хрониках. Вместе с тем мы получим таким образом возможность ближе подойти и к источнику, который был в основе русской Повести.

Вот в сжатом виде содержание нашей Повести. В Царьграде был благочестивый царь Михаил. У него родился конь такой дикий и особенный (чуден и грозен), что никто не мог с ним справиться, и содержали его в железной конюшне и бросали ему осужденных. Царь кликнул клич по всему Цареграду, вызывая искусного человека, который бы взялся объездить

[1] Впрочем, Михаил III называется «благочестивым» и в Степенной книге при рассказе о восстановлении иконопочитания и об иконе Богородицы Римляныни, оба раза рядом с именем Феодоры (ПРЛС, XXI, 34,435), очевидно по связи с этими рассказами.